
«Карьеристы» и «верующие»

(Партии-преемницы в процессе демократизации)

Григорий Голосов

ПОНЯТИЯ:

Партии-преемницы – действующие в условиях демократизации политические партии, характер которых определяется главным образом тем фактом, что они наследуют ресурсы правивших в условиях авторитаризма партий-монополисток.

Учредительные выборы – первые свободные выборы, происходящие в стране после ее отказа от авторитарного режима.

Партии-преемницы довольно заметный фактор в политической жизни большинства посткоммунистических стран. Их успехи на всеобщих выборах в Венгрии, Польше, Болгарии, России и некоторых других государствах наглядно показали, что, вопреки распространенному мнению, «ленинское наследие» серьезно влияет на становление новых политических систем. Более того, как выяснилось, влияние это отнюдь не однозначно. В Венгрии и Польше партии-преемницы заняли умеренные идеологические позиции, что помогло формированию национального консенсуса по поводу правил политической игры; в России же и Болгарии идеологическая дистанция между преемницами старого режима и новыми политическими силами остается весьма ощутимой. Цель моей статьи – попытаться понять, в какой мере организационные условия развития партий-преемниц стимулировали или, напротив, сдерживали их идеологическую эволюцию. Для ответа на этот вопрос я рассматриваю четыре случая посткоммунистической демократизации – в Венгрии, Болгарии, России и Чешской Республике, потому что, на мой взгляд, они отчетливее всего демонстрируют разные типы идеологической эволюции партий-преемниц.

В сравнительной перспективе

Правящие авторитарные партии чужды демократической системе уже потому, что, как бы их ни называли, это ненастоящие партии¹. Характеристика организаций такого типа увела бы нас в сторону. Достаточно сказать, что коллапс авторитарного строя неизбежно подрывает организационные основы монополистических партий — причем ровно в той мере, в какой они утрачивают монополию на власть. Их численность резко падает — этот феномен отмечен во всех без исключения случаях постком-

мунистической демократизации. Однако у партий-преемниц остаются политические ресурсы, позволяющие им интегрироваться в демократический процесс.

Во-первых, это такой редкий в посткоммунистических условиях ресурс, как *партийная идентификация*. Данное понятие играет центральную роль у исследователей, изучающих электоральное поведение с точки зрения социальной психологии; они отводят партиям роль основных объектов, с которыми идентифицируют себя избиратели². Склонность голосовать за определенную партию вырабатывается у индивида еще в процессе ранней социализации. Поэтому человек часто голосует за ту же партию, что и его отец, дед или прадед. Такой «выбор» партии — важная индивидуальная ценность, против которой избиратель порой не идет, даже если это в его интересах. Как показали проведенные в США исследования, люди нередко приписывают собственные предпочтения партиям, к которым испытывают психологическое тяготение, и их совершенно не заботит, соответствуют ли эти представления реальности. Социально-психологический подход применяли при изучении поведения западноевропейских избирателей с таким успехом³, что понятие партийной идентификации стало ключевым для современных западных электоральных исследований.

Разумеется, применить и сам подход, и его понятийный аппарат к реалиям восточноевропейских стран сложно, поскольку в большинстве из них не было соревновательных политических партий, которые могли бы послужить объектами притяжения избирателей. Именно в этом отношении партии-преемницы и представляют собой исключение. Исследователи выявили значительную географическую корреляцию между базами поддержки коммунистов на последних свободных выборах перед установлением авторитаризма и базами поддержки партий-преемниц после его коллапса⁴. Но еще важнее, что в силу своей мобилизационной природы коммунистические режимы создавали подобие партийной идентификации даже при отсутствии соревновательных выборов. «Верующие» обнаруживаются не только среди членов партий-преемниц, но и в их субэлекторате. Иначе трудно объяснить характерные, например, для России устойчиво повторяющиеся от выборов к выборам итоги голосования за «правящихся демократов» и «оппозиционных коммунистов»⁵.

Второй редкий ресурс партий-преемниц — их *организационная сила*⁶, в частности подготовленные политико-административные кадры, численность которых зависит от того, удалось ли удержать в партийных рядах активистов среднего звена. Конечно, часть из них не способна работать в условиях соревновательной политической системы. Однако и активисты новых партий, и участники массовых движений, чуждавшиеся прежде участия в политике, тоже склонны к самоорганизации довольно далекой от

запросов демократии⁷. Активисты партий-преемниц обладают опытом рутинной организационной работы с людьми и в управленческих органах. Так что вовсе не случайно партии-преемницы во всех новых демократиях постоянно подчеркивают: в отличие от посткоммунистических лидеров-дилетантов они — профессионалы.

При условии глубокой внутренней трансформации партии-преемницы оказываются важной организационной предпосылкой формирования партийных систем. Но почему одни из этих партий меняют идеологические установки, а другие — нет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо пристальнее рассмотреть стимулы к партийному членству, действовавшие в коммунистических режимах.

Членство в партии — один из основных видов политического участия⁸. Среди стимулов к партийной деятельности можно выделить коллективные и селективные⁹. Под первую категорию подпадают мотивы, связанные с индивидуальными потребностями в идентичности и солидарности, то есть носители коллективных стимулов вступают в партии, чтобы найти себя и себе подобных. При этом важнейшую роль играют идеологические предпочтения. Селективные стимулы — это стремление извлечь из партийной работы материальные выгоды, причем не только и не сколько денежные (хотя такой труд вполне может оплачиваться), сколько возможность сделать политическую карьеру, занять государственные должности. Между коллективными и селективными стимулами нет четкого водораздела¹⁰, но в аналитических целях такое деление применяется довольно широко.

Примерно с середины 70-х годов представители так называемого «ревиизионистского» направления в советологии попытались доказать, что при коммунистическом режиме у политического участия есть значительная инструментальная составляющая. Вписываясь в организационные структуры режима и усваивая «идеологический код коммуникации», индивид получал возможность реализовывать многие жизненные цели — от партийно-административной карьеры до улучшения жилищных условий и поездки за границу¹¹. Система селективных стимулов к членству формировала значительный слой людей, вступавших в партию по соображениям материальной выгоды, то есть карьеристов. Идеология системы была для них только ритуализованным языком, которым овладевали, чтобы достичь жизненных целей. По мнению некоторых западных наблюдателей, карьеристов было так много, что по всей Восточной Европе «люди твердили формулы, в которые не верили сами, и не ждали, что поверит кто-то еще»¹².

Однако прежде чем западные политологи начали обсуждать проблему «политического участия советского типа», долгое время восточноевропейские политические системы анализировали прежде всего как тоталитарные. Для такого подхода инструментальные мотивы членства в партии и иных структурах коммунистического режима имели третьестепенное зна-

чение. Главным для его функционирования считалась массовая индоктринация¹³, которую осуществляли партия и массовые организации. «Тоталитаристы» по-разному оценивали эффективность индоктринации¹⁴, но в целом не сомневались, что какая-то часть населения воспринимала идеологические ориентиры режима. Возможно, этим людям членство в партии тоже было выгодно, но они верили в декларируемые цели режима и искренне содействовали выполнению программы социального переустройства и строительства. Стимулы таких «верующих» были преимущественно коллективными.

Острую полемику между «тоталитаристами» и «ревизионистами» несколько умерял тот факт, что исследователи обеих конкурирующих школ готовы были признать, что их модели можно применять только с хронологическими ограничениями. Считалось, что «тоталитарная модель» лучше описывает политические реалии начальной фазы существования коммунистических режимов, зато «ревизионизм» дает более глубокое понимание особенностей поздней фазы. А потому исследователи допускали возможность того, что «карьеристы» и «верующие» неравномерно распределены по возрастным когортам: первых больше среди молодежи, вторых же – среди старших поколений, политическая социализация которых пришлось на «эпоху строительства социализма». Однако для проверки этого предположения не было эмпирических данных.

Они появились (как ни парадоксально) только после крушения коммунистических режимов, причем в качестве основного показателя исследователи пользуются именно уровнями массовой поддержки партий-преемниц. Однако для этого необходимо прежде выяснить, как в разных национальных контекстах демократизации меняется описанная выше структура стимулов. «Карьеристов» членство в коммунистической партии привлекает лишь постольку, поскольку та продолжает выполнять реальные властные функции, «верующих» же — в той мере, в какой она занимает «правильные» идеологические позиции. Переход к демократии сводит к минимуму действенность стимулов, важных и для тех, и для других, но происходит это в разных странах по-разному.

Коммунистические партии в Болгарии и Чехословакии долгое время занимали в вопросах идеологии жесткие позиции, не шли на компромиссы и старались сохранить характерные для старых режимов структуры стимулов к участию в партийной работе. В *Болгарии*, однако, переход к демократии произошел по инициативе и во многом под контролем правящей партии. В результате и селективные, и коллективные стимулы сохраняли свое значение вплоть до учредительных выборов 1990 года. «Карьеристы» могли рассчитывать на то, что и после них Болгарская социалистическая партия (БСП) останется правящей. Но перемены были столь стремительными, что те, кто хотел бы сбежать с тонущего корабля, не ус-

певали сделать это. А поскольку функциональная ниша «карьеристов» в любой политической организации – среднее звено ее функционеров, БСП, удержав их, сохранила и свои организационные структуры.

Разумеется, отказ лидеров БСП от «верности идеалам марксизма-ленинизма» был на руку «карьеристам»; в новых условиях их политическое выживание напрямую зависело от того, насколько успешно партия превратится в парламентскую. Но у стремительного перехода к демократии была и обратная сторона: ему не предшествовала идеологическая кампания типа гласности, которая лишила бы партию массовой поддержки «верующих». Они оставались надежным электоральным ресурсом партии-преемницы, так что полная трансформация накануне «учредительных выборов» едва ли улучшила бы ее шансы.

По этой причине руководство БСП склонилось к чисто косметическим переменам: внутрипартийные реформы свелись к переименованию партии и изменению ее программы; социалистические установки продолжали играть важную роль в публичной риторике¹⁵. Основной организации болгарских сторонников реформ – Союзу демократических сил (СДС) предстояло, таким образом, соревноваться на выборах с мощной и довольно популярной «левой» партией. Выиграли социалисты, располагавшие довольно прочной электоральной базой в малых городах и на селе¹⁶. Биполярная политическая конкуренция объективно работала на тех лидеров БСП, которые отказывались сменить идеологические ориентиры.

С небольшими отклонениями результаты учредительных выборов подтвердили парламентские выборы 1991 и 1994 годов. Победа в 1994-ом была настолько убедительной, что лидеры БСП приняли на себя всю полноту правительственной ответственности. Однако к началу 1996 года стало ясно: партия с ее нерезформированным руководством и административными кадрами, воспитанными в условиях плановой экономики, не способна эффективно управлять страной. Экономическое положение ухудшилось настолько, что возникли нехватки продовольствия, а жизненный уровень значительной части населения мало чем отличался от условий жизни в странах третьего мира.

Руководство СДС использовало недовольство народа, чтобы начать новый раунд массовой антикоммунистической мобилизации. Осенью 1996 года в стране начались выступления протеста, которые в конечном счете вынудили правительство капитулировать. В апреле 1997 года состоялись новые парламентские выборы. Во время избирательной кампании от БСП откололась «реформированная» фракция. Она вступила в борьбу под названием «Коалиция евролевых» и набрала 5,6 проц. голосов. Но даже после этого БСП вышла на второе место по числу проголосовавших за нее избирателей (22,0 проц, против 52,2 проц, у СДС). Разумеется, появление евролевых изменило болгарскую партийную систему, но насколько глу-

боко, судить пока рано. Биполярная структура идеологических альтернатив, проявившаяся еще на выборах 1990 года, оказалась исключительно устойчивой.

Прежний режим в *Чехословакии* фактически капитулировал, так что положение в стране сложилось несколько иное, чем в Болгарии. Здесь в компартии остались главным образом те «карьеристы», кому прошлые «заслуги» не позволяли надеяться на политическое будущее в условиях демократии. По понятным причинам они хотели реставрировать старый порядок. «Верующим» же коллапс режима не оставил иной альтернативы, кроме членства в «настоящей» коммунистической партии. «Карьеристы» и «верующие» сходились, стало быть, в том, что не следует серьезно менять характер партии и ее идеологические цели. Все попытки нескольких деятелей «пражской весны», вошедших в руководство Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ), подтолкнуть партию на путь реформ наталкивались на сопротивление. Один из социологических опросов показал, что 82 проц. членов КПЧМ отвергали предложения изменить ее название¹⁷. Еще в большей степени, чем БСП, КПЧМ оставалась «левой» партией, представлявшей радикальную оппозицию процессу реформ.

Однако если организационные структуры и массовая база БСП почти не изменились, то политика чешских коммунистов фактически ставила их в положение изолированной секты. Действительно, на парламентских выборах в июне 1992 года «левый блок» (фактически идентичный КПЧМ) получил только 14,1 проц. голосов. Идеологическая жесткость партии-преемницы отсекала от нее избирателей, критически настроенных по отношению к правительству. За их голоса начали бороться оппозиционные организации, и в первую очередь Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП). Ее результаты на парламентских выборах в мае—июне 1996 года (26,4 проц.) сделали ЧСДП вполне вероятной альтернативой «правому» правительству Вацлава Клауса.

В процессе перехода к демократии реформаторское крыло коммунистов *Венгрии* играло весьма заметную роль, так что какое-то время казалось, будто партия-преемница будет доминировать на национальной политической арене и после смены режима. Однако осенью 1989 года Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСПП) пережила организационный коллапс. Почти все ее структуры развалились, а число членов сократилось до минимального по восточноевропейским меркам уровня¹⁸. Большинство «верующих» перешло в «восстановленную» ВСПП, продолжавшую стоять на коммунистических позициях.

В обновленной Венгерской социалистической партии (ВСП) остались активисты, примыкавшие к «демократическому реформаторскому» крылу, не предвидевшие коллапса партии и упустившие момент начать новую политическую карьеру в какой-нибудь демократической организации. Та-

кие «карьеристы» были готовы безоговорочно принять идею «разрыва с прошлым», так как их больше всего устраивало бы превращение ВСП в сильную парламентскую партию, способную привлечь избирателей. На II съезде партии (май 1990 года) партия отказалась от догматической приверженности марксизму и заявила, что ее новые позиции лежат «между консерватизмом и либерализмом» и она намерена играть роль конструктивной оппозиции при переходе «от коллективизма к демократии».

На выборах 1990 года социалисты потерпели сокрушительное поражение, но потом вышли из политической изоляции. В стенах парламента фракция ВСП выступала осторожной, но последовательной оппозицией правительству — по возможности в союзе с основной оппозиционной партией — Союзом свободных демократов (ССД)¹⁹. Лидеры социалистов добились и международного признания от Социалистического интернационала. Разумеется, все это стало возможным только потому, что в партии не было значительных групп, противившихся переменам, — этого не допускала внутренняя композиция ВСП. К концу 1993 года, по данным опросов общественного мнения, она начала лидировать. Ее неожиданный «прорыв» во многом объяснялся идеологическими неудачами других партий. Но какова была собственная стратегия ВСП и почему она оказалась удачной?

Многие венгры, напуганные экономическими трудностями переходного периода, выбрали ВСП из-за своеобразной ностальгии по кадаровским временам. Опросы показали, что население страны оценивало коммунистическое прошлое лучше, чем другие восточноевропейцы²⁰. Однако программа ВСП на выборах 1994 года не эксплуатировала воспоминаний о Яноше Кадаре; более того, у нее, строго говоря, не было с социализмом почти ничего общего. Традиционная «левая» проблематика присутствовала в ней главным образом в связи с защитой интересов труда, которую, однако, возлагали не на государство, а на профсоюзы. Вообще, от государства не ожидали, что оно возьмет на себя перераспределение национального богатства. Роль основных инструментов для преодоления трудностей переходного периода отводилась макроэкономической регуляции и ускоренной приватизации. Программа уделяла и чрезвычайно много внимания сокращению государственных расходов.

Позиции ВСП были, пожалуй, даже более либеральными и менее социальными, чем платформа ССД. Программные заявления о приверженности идее вступления в Европейский союз и НАТО дополняют образ ВСП как либеральной партии. Теоретически такой «ревизионизм» ВСП мог дать толчок возникновению радикальной левой оппозиции. И действительно, в выборах участвовала «восстановленная» ВСП (на сей раз под названием «Венгерская рабочая партия»). Однако, как выяснилось, «ностальгии по Кадару» в форме, выгодной для левых радикалов, в Венгрии не было. За

Венгерскую рабочую партию проголосовало только 3,2 проц. избирателей. Результаты выборов в мае 1994 года позволяли ВСП сформировать однопартийное правительство большинства. Однако вновь подчеркнув свою идеологическую ориентацию, социалисты предпочли коалицию с ССД.

Таким образом, из рассмотренных выше случаев ВСП дальше всех пошла по пути идеологической трансформации²¹. Почему? Конечно, переходу Венгрии к демократии предшествовал длительный период либерализации и радикальных реформ. Но важнее другое. Идеологические «скачки» (leapfrogging) — вполне понятный выбор руководства любой партии, если ее прежняя идеологическая ниша по какой-либо причине перестает обеспечивать ей необходимую поддержку на выборах²². Искушение сменить идеологические ориентиры усиливается²³. Волны перемен, прокатившиеся по Восточной Европе, красноречиво свидетельствовали, что на социалистической идеологии (в любой ее версии) не построишь привлекательную электоральную риторику. Тем не менее некоторые партии-преемницы отказались от идеологических перемен.

«Считать, будто лидеры партии могут ухватиться за любую стратегию, обращаться к любой группе с любой программой, — значит свести изучение партий и выборов к пустому формализму»²⁴. Эта мысль вполне справедлива, поскольку пределы идеологической эволюции партий в зрелых демократиях довольно узки²⁵. Специфика партии как организации состоит именно в том, что ей присущ особый баланс коллективных и селективных стимулов к активизму, связывающий лидерам руки при выборе идеологии. Например, композиция КПБМ исключала любые идеологические сдвиги. Для лидеров БСП «большой скачок» был тоже связан с риском. Только ВСП, где в момент перехода страны к демократии преобладали не отверженные идеологии «карьеристы», решилась кардинально сменить вехи. Но коль скоро при определенных условиях идеологическая эволюция партий-преемниц все-таки возможна, сразу встает вопрос: в каком направлении?

Многие ученые, изучавшие переход восточноевропейских стран к демократии, считали, что бывшие правящие партии будут, скорее всего, сближаться с социал-демократией²⁶. Эту гипотезу подтвердил опыт нескольких стран (Венгрия, Литва, Польша)²⁷, в ее пользу говорит и обычное пространственное моделирование: в традиционном право-левом континууме социал-демократия прямо примыкает к коммунизму справа, полевления же бывших коммунистических партий почти никто и не ожидал. Но, как мы видели, в некоторых странах Центральной и Восточной Европы социал-демократизации не произошло, как, впрочем и во всех государствах СНГ.

Однако у проблемы социал-демократизации есть и более глубокие, теоретические аспекты. Допустим, лидеры некоей партии-преемницы воль-

ны совершать идеологические «скачки». Выбор социал-демократического варианта будет для них оправданным только в том случае, если он позволит им (хотя бы потенциально) мобилизовать значительную массу избирателей. Такое было возможно в Западной Европе конца XIX — начала XX веков, но не в современных посткоммунистических обществах, где нет массового организованного рабочего движения, структура социальных возможностей довольно жестка, предпринимательский класс замкнут и т.д. В таких условиях образ право-левого континуума и пространственное моделирование не работают, что подтверждает типичная для переходных обществ путаница при определении правых и левых.

На мой взгляд, поначалу стратегия социал-демократизации вообще не имела никакого отношения к идеологическим «скачкам» (как их понимал Энтони Даунс). Переименовывая себя в социал-демократическую, партия-преемница всего лишь заявляла о преемственности таким образом, чтобы, с одной стороны, не слишком отталкивать от себя возможный субэлекторат, а с другой — чтобы новое название играло роль важного символа для оставшихся рядовых членов и функционеров. Естественно, порой такой шаг не подходил к местным условиям, а потому ожидать социал-демократизации не приходилось. Но оставалась ли партия при прежнем названии либо начинала именовать себя социал-демократической (или как-то еще), вопрос о ее подлинной идеологической идентичности оставался открытым. Решение зависело от реальных идеологических альтернатив, присутствующих в обществе. Посчитав одну из них приемлемой для себя, партия-преемница может начать двигаться в этом направлении.

Таким образом, для удобства анализа исходную стратегию партии-преемницы в посткоммунистических условиях можно представить как двухфазовую: сначала удержание идентичности, а затем ее изменение. В реальном времени эти фазы могут совпадать, но основные цели партии на каждой из них существенно различны. Удержать прежнюю идентичность необходимо, чтобы не растерять электоральной поддержки тех, кто продолжает связывать себя со старым порядком: «верующих», идеологических работников, не успевших вовремя сориентироваться активистов и т. д. Социал-демократизация лишь одно из возможных решений этой задачи. Изменение идентичности призвано оживить организационную структуру партии, сохранив в ее составе «карьеристов», а в перспективе — создать новую базу поддержки. Поскольку эти две цели явно противоречат друг другу, партии-преемнице приходится балансировать, учитывая, в частности, соотношение «карьеристов» и «верующих» в своих рядах.

Партии-преемницы в России

Особенности процесса трансформации коммунистической партии в России обнаружались не сразу. Сначала, как и в Восточной Европе, постепен-

но сокращалось число ее членов: в 1989—1990 годах примерно на 1,3 проц.²⁸, а с января 1990 до июля 1991 годов на 21,8 процента²⁹. Одновременно росла и фракционная активность. В ноябре 1990-го КПСС покинула «Демократическая платформа», но в ее составе оставалось движение «Коммунисты за демократию» во главе с Василием Липицким и Александром Рущким и ряд «платформ», критиковавших политику Горбачева слева³⁰. Однако организационный распад компартии не походил на организационный коллапс, пережитый ВСРП. К августу 1991 года КПСС все еще оставалась крупнейшей и наиболее организованной партией в России. Ее монополия на власть в Москве была подорвана, но на местах, где обкомы даже после «дрейфа власти» к Советам оставались важными центрами принятия решений, КПСС зачастую по-прежнему оставалась организационной осью власти.

Этим можно объяснить, почему в августе 1991 года деятельность КПСС была приостановлена (официально Борис Ельцин запретил ее на территории России позже, 6 ноября 1991 года). В противном случае местные партийные органы оказали бы серьезное сопротивление попыткам российских руководителей консолидировать свою власть. Упреждающий удар, нанесенный Ельциным, сделал структуру стимулов к членству в партиях-преемницах уникальной, не имеющей аналогов в Восточной Европе. Некоторое сходство есть разве что с ситуацией в Чехословакии. В обоих случаях бывшие правящие партии потерпели полное крушение, так что в их рядах остались главным образом «верующие». Но если КПЧМ продолжала действовать легально, то в России партию предстояло воссоздать. Уже одно это создавало серьезные организационные проблемы, так как на роль единственного и законного наследника КПСС претендовали несколько групп.

Лидеры «Демократической платформы» были исключены из КПСС еще до августовских событий. Созданная же ими Демократическая партия коммунистов России (позже переименована в Народную партию «Свободная Россия» — НПСР) временно перешла на вполне демократические позиции и потому не смогла сохранить идеологическую идентичность. Правда, затем идеологические установки НПСР много раз менялись³¹, но видеть в ней партию-преемницу тем не менее нет никаких оснований.

Некоторое время на «наследие КПСС» претендовала созданная в октябре 1991 года Социалистическая партия трудящихся (СПТ)³². Она воплотила в себе наиболее ярко выраженную попытку социал-демократизации на российской почве. Программа СПТ не упоминала диктатуру пролетариата, зато содержала положения о приверженности правам человека, смешанной экономике и многопартийной системе. Поскольку в эту партию вступило немало народных депутатов России, а некоторые ее члены имели доступ к средствам массовой коммуникации, СПТ приобрела в стране довольно широкую известность. Однако ее попытки привлечь бывших

членов КПСС не принесли результата. К выборам 1993 года СПТ пришла в такой упадок, что даже в блоке с другими группами не собрала необходимого для регистрации числа подписей.

Еще одну партию-преемницу — Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП) создали в ноябре 1991 года Движение коммунистической инициативы и другие группы, критиковавшие политику Михаила Горбачева. К началу 1993 года РКРП превратилась в подобие массовой организации: по ее собственным данным, у нее было около 150 тыс. членов. Программные установки РКРП были прямой противоположностью социал-демократизму СПТ. РКРП выступала за марксизм-ленинизм, диктатуру пролетариата и плановую экономику, против каких бы то ни было шагов, ведущих к «реставрации капитализма». Из арсенала западных левых РКРП почерпнула и своеобразно препарировала идеи рабочего самоуправления. Партия открыто отказывала новой российской государственности в праве на существование и требовала восстановить СССР. В своей политической тактике она склонялась к «прямому действию», что проявлялось как в массовых манифестациях и митингах, так и в синдикалистском представлении о возможности покончить с «буржуазно-оккупационным режимом» при помощи всеобщей политической забастовки.

После того как Конституционный суд вынес известное определение по вопросу о будущем коммунистического движения в России (ноябрь 1992 года), началось массовое воссоздание партийных структур на местах. Чаще всего они не присоединялись ни к одной из уже созданных партий-преемниц, а объявляли себя «независимыми комитетами» или «союзами коммунистов», намеревающимися воссоздать компартию. Ни СПТ, ни РКРП не могли позволить себе оставаться в стороне, а последняя даже заявила свои претензии на ведущую роль в этом процессе. Однако Съезд коммунистов России (февраль 1993 года) конституировал Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ), по существу, как новую партию с новым лидером — Геннадием Зюгановым. РКРП в конечном счете дистанцировалась от КПРФ, обвинив ее лидеров в «сознательном и неосознательном сотрудничестве с антикоммунистами, отклонениях от классовой позиции и ликвидаторской деятельности»³³.

Основания для таких обвинений действительно были. В конце 1991 года Зюганов возглавил Координационный совет народно-патриотических сил России (скорее националистическую, чем левую организацию), а позднее активно участвовал в Русском национальном собрании Александра Стерлигова³⁴. Об идеологической «невинности» лидера КПРФ говорить не приходилось: «политический предприниматель» новой формации, он легко приспособлял свою риторику к меняющемуся политическому контексту. Неудивительно, что и официальные позиции КПРФ были менее радикально-коммунистическими, чем установки РКРП.

Борьбу за «наследие КПСС» выиграла КПрФ. СПТ выродилась в явно периферийную группу, а из РКРП в новую партию ушли многие ее члены и даже целые региональные организации. Почему? СПТ не смогла сохранить идентичность. В России, где в рядах партии-преемницы преобладали «верующие», ставка на социал-демократизацию была заведомо ошибочной. В этом смысле претензии РКРП на «наследие» выглядели гораздо правдоподобнее. Причиной ее проигрыша стала, скорее всего, тактика воинствующей оппозиции режиму, которой она последовательно придерживалась. Такая линия сводила к нулю селективные стимулы к членству в РКРП, и бывшие партаппаратчики среднего звена, игравшие ведущую роль в местных «независимых комитетах», предпочли держаться подальше от РКРП.

Подходила ли она «верующим», и прежде всего пожилым людям, хотевшим возобновить свое членство в партии? Представители старших возрастных когорт в России, как свидетельствуют некоторые социологические данные, менее других склонны к таким формам политического участия, как демонстрации, митинги и забастовки³⁵. Членство в «настоящей» компартии, каковой в их глазах была КПСС, ничего подобного не предполагало — достаточно было ходить на собрания и читать партийную прессу. «Возрожденная» КПрФ тоже не требовала большего, и именно поэтому ее кадровый потенциал оказался больше, чем у РКРП, во многом связанной с участниками неформального коммунистического движения горбачевских времен.

Так КПрФ решала проблему сохранения идентичности, успешно доказывая, что она не экстремистская, а «настоящая» коммунистическая партия, у которой есть будущее. Социал-демократизация была для ее исключена, поскольку кардинально ослабила бы позиции партии в конкуренции с РКРП. До выборов 1993 года проблема изменения идентичности не была первоочередной для российского коммунистического движения. Однако избрание Зюганова лидером партии намекало на будущее развитие событий. Октябрьский кризис 1993 года помог КПрФ закрепить за собой позиции ведущей российской партии-преемницы. Если последовательно радикальная РКРП бойкотировала выборы, то КПрФ без труда прошла регистрацию и участвовала в кампании. Правда, предвыборную кампанию она (в отличие от ЛДПР) провела вяло и бесцветно, поскольку ее электоральная стратегия, видимо, не требовала получения максимума голосов. Однако в риторике демократов антикоммунизм занимал столь важное место, что любая партия, занявшая коммунистическую нишу, могла рассчитывать на известный успех.

Настоящей сенсацией выборов 1993 года стал успех ЛДПР (22,9 проц. голосов). Усилия Владимира Жириновского, осваивавшего националистическую нишу, даром не прошли. Эта стратегия оказалась выигрышной: Жириновский убедил немалую часть избирателей, что именно он – насто-

ящий лидер оппозиции. Разумеется, сыграли свою роль и своеобразное ораторское искусство лидера ЛДПР, и его умение использовать электронные средства массовой информации. После выборов некоторые наблюдатели объясняли успех ЛДПР именно последним фактором³⁶. Действительно, когда уровень организационного развития партий крайне низок, значение предвыборной риторики как электорального ресурса возрастает. Однако после неожиданного успеха Жириновский не почил на лаврах, а начал энергично укреплять свою партию в организационном отношении — действия вполне целесообразные, так как на выборах основным конкурентом его партии в борьбе за оппозиционно настроенного избирателя выступала хорошо организованная КПрФ.

КПрФ была сильнее жириновцев в вопросах партийного строительства, теперь у нее появился шанс обойти их и с помощью идеологического маневрирования, чем партийное руководство и занялось в период между выборами 1993 и 1995 годов. Прежние ограничители сохранялись: в некоторых региональных организациях было отмечено глухое недовольство идеологической эволюцией партии³⁷. Однако вероятность перехода этих групп на сторону РКРП была гораздо меньше, чем год назад. Выборы настолько закрепили за КПрФ образ «настоящей» коммунистической партии, что носителям коллективных стимулов к активизму стало критически важно оставаться в ее рядах.

Вместе с тем превращение КПрФ в одну из крупнейших парламентских фракций, а ее руководителей — в часть политического истеблишмента³⁸ существенно подняло роль селективных стимулов в организационном развитии партии. КПрФ стала привлекательной для «политических предпринимателей», которых не заботила ее идеологическая выдержанность. Эти обстоятельства облегчили широкомасштабный идеологический сдвиг, пережитый партией в 1994—1995 годах. Его направление задали не столько предыстория сотрудничества Зюганова с «националистами», сколько результаты выборов, доказавшие выгодность этой идеологической ниши.

Устами Зюганова руководство КПрФ признало целесообразным создать в России «многоукладную экономику», которая сочетала бы общенародную, кооперативную и частную собственность. Коммунисты продолжали ожесточенно критиковать экономическую политику правительства, но прежде всего за «национальное предательство». Социализм как программную цель КПрФ все чаще затмевало требование сменить «оккупационную» власть на «патриотическую», которая восстановила бы государственное величие России.

Философской основой программы стала своеобразная версия «евразийства», а Зюганов начал подчеркивать, что Советский Союз и Российская империя воплощают в себе социокультурное единство, для которого характерны общинность, патриотизм и эгалитаризм³⁹. Одной из духовных

основ этого единства было объявлено православие, и КПРФ пересмотрела свое отношение к церкви. Идеология партии приобрела весьма отчетливый националистический оттенок⁴⁰, что позволяет говорить о ее попытке вторгнуться в «националистический» сегмент политического спектра. При этом основным конкурентом коммунистов оказалась ЛДПР.

На выигрышную идеологическую нишу претендовали и другие, например Конгресс русских общин (КРО), Социал-патриотическое движение «Держава» и «Власть – народу!». Число малых оппозиционных партий, претендовавших во время выборов 1995 года на парламентское представительство, заметно выросло. Среди них националистическая часть политического спектра оказалась наименее популярной. Кроме названных выше шести партий и организаций (КПРФ, АПР, ЛДПР, КРО, «Держава» и «Власть — народу!»), эту идеологическую нишу попытались занять еще пять партий — не так уж много, если учесть, что именно здесь можно было ожидать наибольшей концентрации избирателей. В выборах участвовали еще тринадцать «правительственных» и демократических партий, но больше всего списков — девятнадцать — выдвинули центристы (региональные партии, организации корпоративного представительства, профессиональные лобби и т. д.), хотя уже выборы 1993 года вполне наглядно продемонстрировали, что «центр» — самая невыгодная идеологическая ниша.

Малые партии вступали в борьбу за ту или иную идеологическую нишу не по соображениям ожидаемой выгоды, а скорее из-за отсутствия там мощных в организационном отношении соперников. С этой точки зрения сильнее всего был, разумеется, лагерь «непримиримой оппозиции» во главе с КПРФ, на втором месте располагался «правительственный» и демократический лагерь с НДР и «Яблоком», и лишь на третьем — центристы. Таким образом, увеличение числа малых партий непосредственно связано с уровнем организационного развития основных участников межпартийной конкуренции.

Выборы показали, что с точки зрения интересов КПРФ идеологическая стратегия ее руководства была правильной⁴¹. Правда, она стоила партии 4,5 проц. голосов, которые отошли блоку «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз», созданному при ведущем участии РКРП. Однако эту потерю компенсировало новое положение КПРФ в Думе: 22,3 проц. голосов позволили ей стать ведущей оппозиционной партией, оттеснив на второе место ЛДПР (11,2 процентов). Остальные партии, делавшие ставку на националистическую нишу, потерпели неудачу: КРО получил 4,3 проц. голосов, «Держава» — 2,6 проц., «Власть — народу!» — 1,6 проц., пять прочих — 5,7 процента. В совокупности эта группа партий собрала абсолютное большинство голосов — 52,2 процента. В целом выборы подтвердили, что успех партий зависел от сочетания двух обстоятельств — правильного выбора идеологической стратегии и уровня организационного развития.

* * *

Итак, на идеологическую эволюцию партий-преемниц решающим образом влияют обстоятельства, при которых терпит крах авторитарный режим. Однако действует этот фактор не напрямую, а через формирование особых комбинаций коллективных и селективных стимулов к активизму в партиях-преемницах, устанавливающих пределы их идеологической гибкости. Например, рестриктивная политика по отношению к КПСС в момент смены режима не уменьшила роль партии-преемницы в российской партийной системе. Напротив, создав специфическое соотношение коллективных и селективных инициатив к коммунистической активности, она обусловила высокий уровень идеологической преемственности между КПРФ и прежним режимом, затруднив интеграцию партии в соревновательную политическую систему. Радикальная оппозиционность – пусть и в «националистической» оболочке – осталась для нее наиболее выигрышной стратегией.

Примечания

- ¹ *R. Lowenthal*. The Ruling Party in a Mature Society. «Social Consequences of Modernization in Communist Societies». *M. Field* (ed.). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
- ² *A. Campbell*. «The American Voter». N.Y., Wiley, 1964.
- ³ *I. Budge, I. Crewe and D. Farlie* (eds.). Party Identification and Beyond: Representations of Voting and Party Competition. L., Wiley, 1976; *P. Converse R. Pierce*. Representation in France. Cambridge, Harvard University Press, 1986.
- ⁴ *M. Cotta*. Building Party Systems after the Dictatorship: The East European Cases in a Comparative Perspective. «Democratization in Eastern Europe: Domestic and International Perspectives». *G. Pridham and T. Vanbanen* (eds.). L.: Routledge, 1994.
- ⁵ *В. Колосов, П. Туровский*. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция. «Полис», № 4, 1996.
- ⁶ *J. Gibson, C. Cotter, J. Bibby, R. Hucksborn*. Assessing Party Organizational Strength, «American Journal of Political Science», v. 27, 1983.
- ⁷ Подробнее см.: *V. Zubek*. The Threshold of Poland's Transition: 1989 Electoral Campaign as the Last Act of United Solidarity. «Studies in Comparative Communism», v. 24, 1991.
- ⁸ *S. Verba, N. Nie, J. Kim*. Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison. Cambridge, Cambridge University Press, 1978.
- ⁹ *A. Panebianco*. Political Parties: Organization and Power. Cambridge, Cambridge University Press, 1988, p. 50; см. также: *P. Clark, J. Wilson*. Incentive Systems: A Theory of Organizations. «Administrative Science Quarterly», v. 6, 1961.
- ¹⁰ К какой категории отнести, например, возможность скоротать свободное время в партийном клубе?
- ¹¹ *Z. Gitelman*. Working the Soviet System: Citizens and Urban Bureaucracies. In: The Contemporary Soviet City. *H. Morton, R. Stuart* (eds.). N.Y.: M. E. Sharpe, 1984.
- ¹² *A. Przeworski*. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, Cambridge University Press, 1991.
- ¹³ *R. Burks*. Political Participation under Socialism. «Studies in Comparative Communism», v. 15, 1982.
- ¹⁴ *G. Almond, L. Roselle*. Model Fitting in Communist Studies. «Politics and the Soviet System». *T. Remington* (eds.). L., Macmillan, 1989; *G. Breslauer*. Defence of Sovietology. «Post-Soviet Affairs», v. 8, 1992.

- ¹⁵ *K. Engelbrekt, R. Nikolaev.* Bulgaria: Socialist Party Elects New Leader. «RFE/RL Research Report». v. 1, January, 1992.
- ¹⁶ *D. Kostova.* Parliamentary Elections in Bulgaria: October 1991. «Journal of Communist Studies», v. 8, 1992.
- ¹⁷ *J. Obrman.* Czech Opposition Parties in Disarray. «RFE/RL Research Report», v. 2, April, 1993, pp. 1–5.
- ¹⁸ *B. Racz.* The Socialist-Left Opposition in Post-Communist Hungary. «Europe-Asia Studies», v. 45, 1993.
- ¹⁹ *A. Agb.* Partial Consolidation of East-Central European Parties — The Case of the Hungarian Socialist Party. «Party Politics», v. 1, 1995.
- ²⁰ *R. Rose, C. Haerpfer.* Mass Response to Transformation in Post-Communist Societies. «Europe-Asia Studies», v. 46, 1994.
- ²¹ *G. Evans, S. Whitefield.* Economic Ideology and Political Success: Communist-Successor Parties in the Czech Republic, Slovakia and Hungary Compared. «Party Politics», v. 1, 1995.
- ²² *A. Downs.* An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper, 1957.
- ²³ *R. Harmel, K. Janda.* An Integrated Theory of Party Goals and Party Change. «Journal of Theoretical Politics», v. 6, 1994, pp. 266–268.
- ²⁴ *A. Przeworski, J. Sprague.* Paper Stones: A History of Electoral Socialism. Chicago, University of Chicago Press, 1986, p. 120.
- ²⁵ *O. Listhaug, S. Macdonald, G. Rabinowitz.* A Comparative Spatial Analysis of European Party Systems, «Scandinavian Political Studies», v. 13, 1990.
- ²⁶ См., напр.: *H. Timermann.* A Dilemma for the Socialist International: The Communist Parties' Successors in East-Central Europe. In: Social Democracy in a Post-Communist Europe. *M. Waller, B. Coppeters, K. Descower* (eds.). Newbury Park, Frank Cass, 1994.
- ²⁷ *M. Waller.* Adaptation of the Former Communist Parties of East-Central Europe: A Case of Social-Democratization. «Party Politics», v. 1, 1995.
- ²⁸ *B. Harasymiv.* Changes in the Party's Composition: The Destroika of the CPSU. «Journal of Communist Studies», v. 7, 1991, p. 140.
- ²⁹ «Правда», 26.07.91.
- ³⁰ *M. Bessinger.* Transformation and Degeneration: The CPSU under Reform. In: Cracks in the Monolith: Party Power in the Brezhnev Era. *J. Millar* (ed.). Armonk, N.Y. M. E. Sharpe, 1992; *G. Gill.* The Collapse of a Single-Party System: The Disintegration of the CPSU. Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
- ³¹ *Y. Brudny.* Ruslan Khasbulatov, Aleksandr Rutskoi and Intraelite Conflict in Postcommunist Russia, 1991–1994. In: Patterns in Post-Soviet Leadership. *T. Colton, R. Tucker* (eds.). Boulder, Westview Press, 1995.
- ³² О ранней фазе развития «партий-преемниц» в России см.: *P. Lentini.* Post-CPSU Communist Political Formations. «Journal of Communist Studies», v. 8, 1992; *Е. Ермаков, Т. Шавчукова, В. Якуничкин.* Коммунистическое движение в России в период запрета. «Кентавр», № 3, 1993; *J. Lester.* Modern Tsars and Princes: The Struggle for Hegemony in Russia. L., Verso, 1995, pp. 213–223; *С. Марков.* Коммунистическое движение в постсоветской России: 1990–1995 гг. В кн.: На путях политической трансформации: политические партии и политические элиты постсоветского периода. Под ред. *Ю. Абрамова* и др. М., Московский общественный научный фонд, 1997.
- ³³ «Молния», № 52, февраль 1993.
- ³⁴ *S. Simonsen.* Leading the Communists through the '90s. «Transition: Events and Issues in the Former Soviet Union and East-Central and Southeastern Europe», v. 1, June, 1995.
- ³⁵ *I. McAllister, S. White.* Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism, and the Potential for Mass Protest. «Political Studies», v. 42, 1994.

- ³⁶ См.: *J. Hughes*. The «Americanization» of Russian Politics: Russia's First Television Election, December 1993. «Journal of Communist Studies and Transition Politics», v. 10, 1994; *V. Sblapentokb*. The 1993 Russian Election Polls. «Public Opinion Quarterly», v. 58, 1994.
- ³⁷ Российский сборник. М., Информационно-экспертная группа «Панорама», 1995, с. 87.
- ³⁸ *В. Гельман*. Коммунисты в структурах власти: анализ деятельности. «Власть», № 6, 1996.
- ³⁹ *Г. Зюганов*. Россия и современный мир. М., «Обозреватель», 1995.
- ⁴⁰ *A. Tsipko, M. Ozernoy*. The New Communist Patriotic Ideology. «Jamestown Foundation Prism», v. 1, December 1995; *J. Ishiyama*. Red Phoenix? The Communist Party in Post-Soviet Russian Politics. «Party Politics», v. 2, 1996.
- ⁴¹ Подробнее см.: *L. Belin, R. Ortung*. The Russian Parliamentary Elections of 1995: The Battle for the Duma. Armonk, N. Y. M. E. Sharpe, 1997; *К. Холодковский*. Политические партии России и выборы 1995—1996 гг. «Мировая экономика и международные отношения», 1997, № 2.